
АРИНА ЗОРИНА
ЕГО
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА

Арина Зорина

Его целительница

«Автор»
2026

Зорина А.

Его целительница / А. Зорина — «Автор», 2026

«Простить — значит отпустить прошлое, — подумала Айрис. — А я не могу его отпустить. Оно всё ещё болит, как старый шрам, который ноет в дождь. Но, может быть, я смогу научиться жить с этой болью. Может быть, мы оба сможем».Десять лет назад он оставил ей монету и обещание вернуться. Она ждала, но он так и не пришёл.Айрис, нищая целительница, которую шпыняют даже стражники. Проклятый дар оставляет на её теле шрамы от каждой вылеченной боли. Она привыкла жить в трущобах и ненавидеть того, кто разбил ей сердце.Кайан Вальдис — лорд Дома Огня, самый могущественный человек в королевстве, уже давно забывший о той, что когда-то спасла его жизнь.Но когда его отравляют редким ядом, единственной, кто может его спасти оказывается Айрис.Она входит в его покои, касается его руки и он узнаёт её. Прошлое рушится, старые раны кровоточат, но у них есть шанс начать сначала.Только вот готова ли она отдать ему не только свою силу, но и своё сердце во второй раз?

© Зорина А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Серая заря 5
Глава 2. Жёлтый свет 10
Глава 3. Золочёная клетка 15
Глава 4. Чёрный нектар 20
Глава 5. Цена исцеления 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Арина Зорина
Его целительница

Глава 1. Серая заря

Сырость пронизывала бессознательное тело Айрис до костей.

Она открыла глаза в темноте хижины. Единственное окно, затянутое промасленной тканью, почти не пропускало серый утренний свет. Где-то за тонкой стеной кашлял ребёнок и этот звук резанул по сердцу девушки.

Айрис села на соломенном тюфяке и её левое плечо отозвалось тупой пульсацией. Девушка посмотрела на руку, на которой грубая марлевая повязка уже густо пропиталась сукровицей.

Вчерашний мальчишка, сын прачки с соседней улицы, обжёг ладонь о раскалённую печь. Мать привела его к ней в слезах, так как идти больше было не к кому. Лекари в богатых кварталах берут серебром, а здесь в Костяном переулке платят только тем, кто умеет забирать боль.

Айрис помнила, как вчера вечером в дверь постучали. Открыв дверь, она обнаружила мальчишку Томми, сжимавшего обожжённую ладонь. Из глаз его текли слёзы, а растрёпанная мать с закушенной губой держала его за плечи и смотрела на Айрис с отчаянием.

Айрис усадила мальчика на табурет и опустилась перед ним на колени. Ожог был неглубокий, но болезненный, кожа на нём покраснела и вздулась пузырями.

Томми с испугом смотрел на Айрис огромными глазами.

— Потерпи, — сказала Айрис, беря его за запястье. — Сейчас будет холодно.

Она закрыла глаза и сосредоточилась на том, что чувствовал мальчик. Жгучая боль пришла к девушке волной. Айрис не стала ей сопротивляться, а приняла её и впустила в себя, позволяя перелиться через невидимую границу. Её собственная ладонь вспыхнула жжением, но она не отдёрнула руку.

Томми перестал всхлипывать и замер, чувствуя, как боль уходит. Мать, стоявшая рядом, ахнула, прижав ладонь ко рту.

Айрис разжала пальцы и на её ладони остался свежий ожог. Точная копия того, что был у мальчика изначально.

— Всё, — выдохнула она, отстраняясь. — Больше не болит.

Томми неуверенно пошевелил пальцами и улыбнулся. А его мать тихо заплакала. Она схватила руку Айрис, но тут же одёрнула, испугавшись прикосновения к повреждённой коже. Её настигло облегчение, но женщина всё ещё была в тихом ужасе.

— Спасибо, — прошептала она, отводя глаза. — Храни тебя Свет, девочка.

Но Айрис слышала как женщина еле слышно взмолилась, когда они выходили. Айрис не осуждала её. Люди хотят, чтобы их спасли, но не хотят знать, какой ценой.

Айрис забирала чужую боль и каждый раз платила своим телом.

Теперь, спустя ночь, она разматывала повязку, под которой змеился свежий вчерашний рубец. Кожа была ещё розовая и влажная, будто ожог только-только переполз с детской ладони на её собственную. Таков был дар, переданный матерью вместе с последним вздохом. Или проклятие. Смотря кто спрашивал и как посмотреть.

Шрамы покрывали тело Айрис, как карта невидимых страданий: на рёбрах — лихорадка старого рыбака, на спине — падение каменщика со стройки, на шее — удушье младенца, которого она вытащила с того света.

«Пожирательница боли», — шипели ей вслед на рынке.

Айрис затянула повязку свежей тряпицей, отрезанной от подола единственной приличной юбки.

Холод в хижине стоял такой, что пар шёл изо рта. Очаг уже давно остыл. Дрова кончились три дня назад, а менять последнюю деревянную ложку на угли было глупостью даже для такой бедолаги, как Айрис.

Девушка потянулась к старому сундуку у стены. Внутри, завёрнутый в материнский платок, лежал корень шалфея-кровника. Единственная стоящая вещь, что осталась от той жизни, когда они с матерью жили в доме с камином и стеклянными окнами.

Редкий сушеный корень с серебристыми прожилками на срезе. Айрис не знала, сколько он стоит, но мать говорила: «Три золотых, если продавать алхимикам. Или месяц жизни, если оставить себе». Девушка не трогала его все эти годы, пока сегодня голод не перевесил.

Пронзительная боль скрутила желудок, когда Айрис выпрямилась. Вчера она не ела, а позавчера ела половинку свежей лепёшки, которую дала соседка за то, что Айрис вытащила у неё боль из поясницы. Теперь соседка молилась при встрече и отводила глаза в страхе перед "ведьмой".

«Нечистая», — шептались за её спиной.

Айрис накинула старый дырявый плащ, пахнущий застарелой плесенью, спешно сунула корень за пазуху и вышла из дома.

Утро в Костяном переулке встречало гнилой капустой и мокрой золой. Промозглый туман стелился по земле, смешиваясь с дымом из печных труб. Столица просыпалась медленно и неохотно, будто сама не хотела проживать этот день. Где-то лаяла собака, где-то плакал младенец, а с главной улицы доносился приглушённый гул рынка. Там уже торговали рыбой, углём и старыми обломками железа.

Айрис сделала три шага от двери и остановилась. На пороге соседней лачуги сидел Томми. Он сжимал в руках что-то завёрнутое в тряпицу. Завидев Айрис, он вскочил и подбежал.

— Тётя Айрис! — выдохнул он. — Мама сказала отдать.

Томми сунул ей в руки узелок. Айрис развернула его и увидела, что внутри лежала краюха черствого ржаного хлеба. Небогато, но для таких, как они, это целое состояние.

— Томми, — она присела на корточки, встречаясь с мальчишкой глазами. — Твоя мама не должна была. Вы сами...

— Она сказала, что ты спасла меня, — перебил Томми. — И что ты теперь наша семья, хочешь ты того или нет. — Он улыбнулся, сверкнув щербатым рядом зубов. — Я принёс, пока никто не видел. Только ты ешь, ладно? Не продавай.

Айрис сглотнула ком в горле. Женщина боялась способностей Айрис, как огня, но всё равно позаботилась о ней. Она взяла хлеб, прижав его к груди, и на мгновение тепло от краюхи показалось горячее, чем весь очаг когда-либо в её хижине.

— Спасибо, Томми, — сказала она тихо. — Я запомню. А твоя рука уже не болит? — спросила она, кивая на его руку.

Томми с готовностью развернул подобие бинта, в который была замотана кисть. Ожог на ней уже подсох и покрылся тонкой корочкой. Мальчишка гордо пошевелил пальцами.

— Совсем не болит, — заявил он. — Только чешется иногда. Мама говорит, что это к заживлению.

Айрис слабо улыбнулась.

— Значит, всё хорошо.

Томми помялся, переводя взгляд с её лица на узелок с хлебом, который она всё ещё прижимала к груди. Потом наклонился чуть ближе и шёпотом, будто сообщая великую тайну, произнёс:

— А ты не похожа на пожирательницу.

Айрис замерла. Что-то тёплое и горькое одновременно шевельнулось в груди.

— А на кого я похожа?

Томми окинул её серьёзным взглядом.

— На голодную, — сказал он просто. — Поэтому ешь хлеб. Ладно?

Айрис не нашлась, что ответить, только смотрела, как он убегает. Она спрятала хлеб под плащ и пошла дальше. Есть она не стала, в животе уже не было сил переваривать даже крошку, и она боялась, что еда в нём просто не удержится. Она съест хлеб вечером, если вернётся с монетой.

Рынок «Ржавый зуб» находился в двух кварталах от переулка. На нём торговали те, кому не нашлось места в главных рядах: старьёвщики, гадалки, сомнительные торговцы снадобьями и, конечно же, те, кто продавал краденое. Айрис пробиралась между прилавков, чувствуя на себе взгляды, её всегда узнавали.

— Эй, целительница! — окликнул её толстый мясник с окровавленным фартуком. — Пришла забрать боль у моей свиньи? Она хрюкает, бедняжка. А ты, смотрю, и сама похожа на дохлую свинью!

Его соседи заржали. Мясник, довольный собой, шагнул вперёд, загораживая проход, и с размаху хлопнул Айрис по левому плечу, где под плащом и повязкой ныла свежая рана. Айрис вскрикнула.

— Ну чего молчишь, ведьма? — хохотнул он. — Больше нечем хвастаться?

Боль от удара была мгновенной, её рука дрогнула, и Айрис почувствовала, как в грудь хлынула чужая тягучая боль. Она глухо отдавалась в поясницу, словно кто-то долго таскал тяжести. Мясник вдруг осёкся, схватился за бок и согнулся, лицо его перекосилось.

— А-ах, — выдохнул он.

Айрис стояла, прижав руку к груди. Она поняла, что её дар сработал сам, без её воли. Больная спина мясника перешла в неё, оставив хозяина обезболенным и сбитым с толку.

На её собственной спине, где и без того было достаточно шрамов, теперь расползалось новое ноющее пятно. Она посмотрела на мясника. Тот выпрямился, растерянно озираясь, будто не понимая, куда делась боль.

— Уйди с дороги, — произнесла Айрис одними губами.

Толпа притихла. Мясник отшатнулся, глядя на неё уже без прежней насмешки и с суеверным страхом. Айрис прошла мимо.

— Пожирательница! — крикнул кто-то из толпы. — Слышь, ведьма, а правда, что ты питаешься чужой болью? Что, хлеб не нужен, если можно сожрать чьи-то мучения?

Айрис остановилась и обернулась. Толпа вокруг неё расступилась, словно боялась, что ведьма кинется на них, но никто не хотел приближаться. В глазах людей было отвращение и страх. Её дар пугал их сильнее, чем любое другое оружие.

— Я не ем боль, — сказала она тихо, но голос прозвучал на удивление твёрдо. — Я забираю её, чтобы вы не чувствовали, и плачу за это новыми шрамами на своём теле. Вам это не стоит ничего, а мне каждый раз части тела.

— Ой, какая святая! — фальшиво вздохнула торговка зеленью. — А ну, покажи руки! Говорят, у тебя там уже кожа слезает, как у змеи!

Кто-то из толпы засмеялся, а кто-то отвернулся с брезгливостью. Айрис, не глядя на них, шагнула вперёд к прилавку старого алхимика, который сидел в самом углу рынка и, кажется, дремал.

— Хочу продать, — сказала она, положив корень шалфея на прилавок.

Алхимик приоткрыл глаз. Морщинистое лицо его перекосилось, но он сдержался в отличие от других.

— Шалфей-кровник, — протянул он, беря корень в руки. — Хороший, свежий. Где взяла?

— Материнский, — коротко ответила Айрис. — Сколько дашь?

Он помедлил. Повертел корень в руках и понюхал.

— Пять медных, — сказал он.

— Он стоит три золотых, — возразила Айрис, и голос её дрогнул. — Я знаю.

— Откуда знаешь? — прищурился алхимик, всё ещё вертя корень в морщинистых пальцах.

— Мать говорила, — ответила Айрис, не отводя взгляда.

Старик хмыкнул. Он поднёс корень к свету, проводя ногтем по серебристым прожилкам.

— Твоя мать знала толк в вещах, — сказал он тихо, почти про себя. — Шалфей-кровник, срезанный на убывающей луне. Смотри, как блестит срез. Такой не выращивают в теплицах, его собирают в Глухих топях, где туман пьёт соки из земли.

Он наклонился ближе:

— Знаешь, за что алхимики платят три золотых за такой корень? — спросил он, не ожидая ответа. — За то, что он может удерживать боль. Не отнимать, как это делаешь ты, а запирать её, как в сундуке. Если растереть его с маслом, получится зелье, которое снимает боль на сутки. Не навсегда, но для богатых это дороже золота.

Он положил корень на прилавок, но не выпустил из виду.

— А теперь скажи, почему ты всё ещё жива, если носишь с собой такую редкость и не продаёшь?

Айрис не торопилась с ответом.

— Ты в «Ржавом зубе», девочка, — хмыкнул алхимик. — Здесь за всё платят страхом и презрением. Пять медных. Или иди на главный рынок, только тебя там погонят, даже не приблизившись. Ты — пожирательница. Кто захочет иметь дело с той, что крадёт чужую боль?

Айрис взяла корень обратно. Руки тряслись от холода и голода. Она развернулась и пошла прочь, слыша, как вслед ей свистят и улюлюкают. Где-то в стороне заиграла весело шарманка, словно издеваясь над ней. Она брела между рядов, не видя лиц и не слыша голосов. В кармане не было ни гроша, а в руке единственное сокровище, которое никто не хотел покупать. За её спиной остались шёпот и смех.

И вдруг она почувствовала прикосновение к плечу. Айрис вздрогнула и обернулась.

Перед ней стоял старый маг Орлан. Тот самый, которого она помнила ещё по прежней жизни, когда мать водила её в Башню Света. Он был таким же сутулым и седым, в потёртой мантии и с посохом, украшенным тусклым камнем. Его лицо ничего не выражало, но тёмные глаза смотрели с жалостью.

— Не смотри на меня, — тихо сказал он, глядя куда-то поверх её головы. — Возьми и уходи.

Он сунул ей в руку тёплый свёрток, пахнущий свежим хлебом. Айрис застыла. Она не сразу нашла голос. Слёзы жгли глаза, и всё вокруг казалось нереальным, как в полусне. Но когда Орлан развернулся, чтобы уйти, она выдохнула ему вслед:

— Магистр Орлан?

Старик остановился, не оборачиваясь. Его спина напряглась под мантией.

— Не называй меня так, — произнёс он глухо.

Айрис шагнула вперёд.

— Вы меня помните?

Орлан чуть повернул голову. Теперь она видела его морщинистый профиль с запавшими глазами и седую бороду, которая показалась ей ещё короче, чем раньше.

— Я помню твою мать, — сказал он наконец. — И знаю, что ей было бы стыдно смотреть на то, как ты живёшь.

Айрис вздрогнула, как от пощёчины. Она хотела что-то сказать, объяснить или оправдаться, но Орлан уже шагнул в толпу. Она видела, как его сутулая фигура удаляется, как посох постукивает по камням и как люди расступаются перед ним.

А потом он исчез, словно его и не было. Айрис осталась стоять с тёплым хлебом в руках и с его словами, застрявшими в груди. «Ей было бы стыдно». Она не знала, правда это или нет, но впервые за долгое время ей захотелось не просто выжить, а доказать, что он ошибается.

Она стиснула свёрток с хлебом в пальцах. От его запаха у неё закружилась голова.

С трудом сдерживая слёзы, Айрис выскользнула с рынка и побежала обратно в Костяной переулок, в свою холодную хижину, где её ждал пустой очаг и соломенный тюфяк. Там точно никто не видел её слёз и она могла позволить себе упасть на колени, разрыдавшись в голос.

Но у порога она остановилась. В щели под дверью белело что-то похожее на уголок бумаги. Айрис к порогу и подняла грубый листок дрожащей рукой. Края листка были такими неровными, будто кто-то торопливо вырвал его из записной книжки. Глаза целительницы зацепились за несколько слов, написанных торопливым резким почерком: «Они ищут тебя. Берегись.» Подписи не было.

Айрис прижала листок к груди, сердце колотилось так сильно, что отдавалось ударами в висках. Кто-то знал, где она живёт и кто-то наблюдал за ней.

Девушка перешагнула порог обветшалого дома, закрыла за собой дверь и, вжавшись в стену, стиснула записку в кулаке так, что бумага смялась.

За окном серое небо наконец-то начинало бледнеть. Где-то там за трущобами вставало солнце, но в Костяном переулке всегда была только серая заря.

Глава 2. Жёлтый свет

Айрис сидела у двери, сжимая в кулаке смятую бумагу, пока пальцы не онемели. Записка уже была влажной от тумана, кто-то оставил её совсем недавно. Может быть, на рассвете, пока она тащилась на рынок. Айрис провела ногтем по краю листка, пытаясь уловить запах чернил, но ничего особенного в них не нашла. Обычные и дешёвые, какие продают на каждом углу за медяк, да и бумага шершавая и серая, как у уличных писцов. Больше никаких примет и следов не обнаружилось.

Она перечитала слова снова и снова: «Они ищут тебя. Берегись.»

Кто «они»? Лорды? Стража? Жрецы? Или некто иной, о ком она даже не догадывалась. В груди разрасталась холодная липкая тревога, такая же холодная, как и туман за стенами.

Айрис вспомнила, как три года назад, в разгар весенней лихорадки, за ней приходили жрецы. Тогда они хотели, чтобы она вылечила сына городского советника, но не как целительница, а как «ведьма, которая может перетянуть болезнь на себя». Девушка согласилась, потому что мальчик уже был на волоске от смерти. А после Айрис бросили в холодную камеру и заперли на сутки, чтобы убедиться, что она сама не стала заразной. Когда выпустили, никто и "спасибо" не сказал, кроме стражника, швырнувшего ей краюху хлеба,как бродячей собаке.

С тех пор девушка старалась не привлекать внимания. Но, видимо, не вышло.

Айрис поёжилась в потрёпанном плаще. «Они». Если «они» — это жрецы или люди лорда, то её дар снова понадобился кому-то влиятельному. Любое столкновение людьми такого рода было чревато для неё. Она сжала край стола, чувствуя, как деревянная заноза впивается в ладонь. Ей нечего было им дать, кроме своей кожи и шрамов, но Айрис знала, что такие как она не умирают быстро.

Айрис аккуратно сложила записку вчетверо и засунула её за доску в стене, где мать когда-то прятала сушёные травы. Потом задвинула доску на место и прикрыла лоскутом старой ткани. Никто не найдёт, если только не разнесёт хижину по брёвнышку.

Хлеб, оставленный Орланом и Томми, лежал на столе. Она отломила маленький кусочек, с трудом проглотив, и желудок тут же свело от неожиданной пищи. Остатки хлеба она спрятала под подушку. Хватит на два дня, если растягивать по ломтику.

Но внутри неё разгоралась потребность в ответах. Айрис терялась в догадках, кто же её предупредил и от чего. Если за ней уже пришли, то убегать точно поздно.

В Костяном переулке был только один источник надежды и место, где её, возможно, не проклянут — храм Всеединой. Мать всегда говорила: «Боги не видят дар, они видят сердце. Иди к ним, если страх пересилит гордость».

Айрис не была уверена, что боги вообще смотрят в сторону трущоб, но жрецы храма хотя бы не торговали на рынке и не швырялись в неё гнилыми овощами. По крайней мере, так она помнила.

Она проверила, что повязка на руке не промокла, и вышла за дверь. Туман к полудню чуть рассеялся, но небо всё ещё оставалось свинцовым и будто налитым тяжёлой водой. Ноги сами несли Айрис к центру города, где серая бедность сменялась унылым достатком. Деревянные дома уступали место каменным, а на улицах появлялись фонари.

Над всем этим, на холме, возвышался массивный храм из жёлтого песчаника, от которого в пасмурный день исходил тусклый, болезненный отблеск. Айрис поднялась по широким ступеням. У входа стояли два жреца в белых рясах с золотыми нашивками на плечах. Они окинули девушку взглядом и их лица перекосились, как от кислого запаха.

— Ты, — сказал старший, с длинной седой бородой. — Что ты здесь делаешь, ведьма? Храм не для таких, как ты.

— Я пришла помолиться, — ответила Айрис, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я не причиню вреда. Мне нужно только место у стены.

— Место у стены? — хмыкнул второй, молодой, с хищным прищуром. — Ты осквернишь святыню даже своим присутствием. Убирайся, пока мы не позвали стражу.

Айрис на мгновение замерла. Перед глазами всплыло другое солнечное утро из прошлого, когда мать держала её за руку и вела по этим самым ступеням. Перед уважаемой целительницей народ расступался и жрецы здоровались с ней у входа, а Айрис разрешали сидеть на деревянной скамье у алтаря, где пахло свечами и ладаном.

Теперь на неё смотрели, как на прокажённую.

— Мать Всеединая видит сердце, — тихо произнесла она и голос её дрогнул. — Разве храм не для всех, кто ищет защиты?

— Для всех, кроме тех, кто носит в себе Тьму, — отрезал молодой жрец, делая шаг вперёд. — Твоя мать знала, чем владеет, и она скрывала это от нас, пока не сгорела. А ты, видно, унаследовала её проклятие вместе с её упрямством.

Айрис почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Он говорил о матери так, будто та была виновата в собственной смерти.

— Моя мать никого не обманывала, — процедила она, сжимая кулаки. — Она отдавала себя, чтобы вы и ваши дети могли спать спокойно, а теперь вы нагло плюёте в её память.

— Твоя мать была ведьмой, — прошипел старший, берясь за посох. — И ты такая же. Вон отсюда!

Она хотела возразить, сказав, что мать учила её молитвам, что она носила амулет Всеединой, пока не продала его за кусок хлеба, но слова застряли в горле. Жрецы смотрели на неё с таким же отвращением, как тот же мясник на рынке с утра. Она была для всех них грязью, которую нужно смыть с порога.

— Хотя бы один угол, — прошептала она. — Пожалуйста.

— Убирайся, — отрезал старший. — Иначе я сам вышвырну тебя.

Айрис отступила, но уходить не стала. Вместо этого она обогнула храм и прошла к боковой стене, где в узкой нише стояла небольшая статуя богини с опущенной головой и закрытыми глазами. Здесь под открытым небом девушку никто не мог прогнать. Место было сырым, но она всё равно опустилась на колени, сложив руки, и закрыла глаза.

— Мать Всеединая, — прошептала она, — если ты слышишь меня, если я не проклята в твоих глазах — дай мне знак. Защити тех, кто добр ко мне. И если я должна умереть, пусть моя смерть будет не напрасной.

Она не знала, сколько так простояла, минуты или часы. Туман продолжал оседать на плаще и холод от него пробирал до костей.

Айрис вдруг почудилось, что мать стоит где-то рядом, положив руку ей на плечо. Но, обернувшись, девушка не увидела ничего, кроме мокрой каменной стены.

— Почему ты ушла? — прошептала она в пустоту. — Почему оставила меня одну с этим?

Ответом был лишь шум дождя, который начал накрапывать, разбиваясь о камни. Айрис снова закрыла глаза, ища умиротворения.

«Боги не видят дар, они видят сердце». А если сердце уже давно покрыто шрамами, как и тело? Видят ли они его?

Она сунула руку за пазуху и сжала монету. Золото согрелось от её кожи, и это тепло напомнило о том другом тепле, которое она чувствовала в башне, когда Кайан смотрел на неё так, будто она была не «пожирательницей», а обычной девушкой.

— Кайан, — выдохнула она. — Если ты жив, где ты? Почему не нашёл меня?

Она не ждала ответа, но впервые за долгие годы ей захотелось не просто выжить, а хотя бы ещё раз увидеть его лживые глаза.

Десять лет назад Айрис было четырнадцать и она уже умела отличать съедобные грибы от поганок, а лечебные корни от ядовитых. Мать послала её в лес за Башней Света в поисках крапивы, что была нужна для настойки, заказанной старым аптекарем. Айрис шла по тропе, насвистывая, когда внезапно услышала сдавленный стон. Сначала она подумала, что это раненый зверь, но стон повторился, и в нём узнались человеческие ноты. Айрис бросила всё и побежала на звук.

В овраге среди колючего кустарника лежал человек, истекая кровью. Молодой парень, лет восемнадцати с виду, с тёмными волосами, прилипшими к лицу. Его левый бок был жестоко разорван. Казалось, кто-то полоснул его когтями или мечом, но кожа вокруг раны подозрительно почернела.

Айрис просто упала на колени рядом с ним и, не думая, разорвала подол рубашки, чтобы зажать ранение. Парень застонал от дикой боли и открыл глаза.

— Кто ты? — прошептал он в конвульсиях.

— Тише, — сказала она, хотя голос её дрожал. — Не двигайся, я помогу.

Она не знала, кто он и откуда. Но он был слишком тяжёлым, чтобы она могла его нести, и слишком слабым, чтобы идти самому. Единственным местом, куда она могла его дотащить, была старая башня на холме. Она была давно заброшена, но с целой крышей и камином, где они с матерью иногда прятали травы. Айрис перевязала мужчину как могла, а потом, собрав все силы, потащила волоком по грязи и камням, оставляя за ними кровавый след.

В башне она пробыла с ним семь дней.

Семь дней она меняла повязки, варила отвары и вымывала грязь из раны. Дар целительницы проснулся в ней в полную силу. Она чувствовала, как его боль пульсирует в её собственных пальцах, как жар просачивается в её кожу, оставляя на боку свежий, горячий рубец, когда она наконец остановила заражение. Он не знал, что она забирает его страдания. Он думал, что это были просто хорошие травы и чистая вода.

На четвёртый день он пришёл в себя и начал говорить с Айрис. Голос у него был до того глубоким и тёплым, что Айрис невольно заслушивалась. Он говорил на северном наречии, растягивая гласные.

— Ты спасла мне жизнь, — сказал он, глядя на неё с постели из сухих листьев. — Как мне тебя благодарить?

— Никак, — ответила она. — Мне это не нужно.

— А как тебя зовут?

— Айрис.

Парень улыбнулся и от этого у неё внутри что-то дрогнуло. Тогда она была ещё ребёнком, но сердце билось быстрее, когда он смотрел на неё.

— Кайан, — представился он. — Я должен был умереть в том лесу, но ты меня вытащила. Это не просто так. Видимо, у богов есть на меня большие планы.

— Кто тебя ранил?

Кайан помедлил и в глазах его мелькнула тень.

— Свои же. Предали те, кому я верил. Я шёл в столицу за справедливостью, но они решили, что тихий посол — мёртвый посол.

Айрис не поняла тогда, что это значит, но слушала его, сидя у камина, и грела воду для чая. Он рассказывал о севере, о бескрайних полях и о снеге, который не тает до самого лета. А ещё о семье и о долге, который должен исполнить.

На пятый день у Кайана начался жар. Айрис принялась менять повязку, но он вдруг вцепился ей в запястье с такой силой, что она аж вскрикнула. Его глаза лихорадочно блестели и смотрели прямо на девушку не мигая.

— Ты что-то делаешь, — прошептал он. — Я чувствую, как боль уходит, но раны обычно не заживают так быстро. Ты... ты забираешь её?

Она попыталась вырваться из захвата, но парень держал крепко. Тогда Айрис перестала сопротивляться ему и тихо ответила:

— Да, такой у меня дар. Я беру чужую боль и оставляю её себе.

Она думала, что он отдёрнет руку, но Кайан лишь медленно разжал пальцы, так и не отводя взгляда.

— Значит, это не просто отвар, — произнёс он. — Ты отдаёшь мне своё здоровье.

— Я отдаю не здоровье, — покачала головой Айрис. — Только боль. И она становится моей. У меня много шрамов, но я жива.

Он помолчал, переводя дыхание. Потом слабо улыбнулся.

— Ты странная, Айрис. И удивительная. Я должен был умереть, а ты вытащила меня с того света, заплатив своим телом. Я этого не забуду.

Она опустила голову, чувствуя, как горят щёки. Кайана вовсе не напугал её дар и Айрис была несказанно рада тому, что смогла помочь человеку.

— Я не хочу, чтобы ты считал себя должником, — сказала она.

— А я буду, — ответил он твёрдо. — И вернусь за тобой, чтобы расплатиться. Но не монетой, а жизнью.

Тогда Айрис смущенно опустила взгляд, чувствуя странную боль в груди.

— Я вернусь, Айрис, — сказал он на седьмой день, когда уже мог стоять на ногах. — Я не знаю, когда, но я обязательно запомню тебя и найду способ отблагодарить.

Она не хотела, чтобы он уходил. Башня была холодной, но рядом с ним ей было тепло. Айрис хотела сказать Кайану, что он может остаться и она будет лечить его, пока он не станет сильным, но он уже надел свой разорванный плащ, затянул пояс и взглянул на неё в последний раз.

Кайан протянул руку с крупной золотой монетой в ладони. Герб на золоте отливал жёлтым светом.

— Возьми, — сказал он. — Это не плата, это обещание. Если я выживу — я вернусь и сделаю всё, что ты попросишь.

Айрис нехотя взяла монету. Тут же она собралась её вернуть обратно Кайану, но тот уже шагнул к двери.

Он ушёл в утренний туман, оставив её с горячей монетой в ладони. После этого она не видела его десять лет.

Айрис открыла глаза. У статуи богини было пусто и тихо, только ветер гнал по камням мокрые листья. Она коснулась пальцами груди. Там, под тканью платья, на шнурке висела монета. Золото давно потускнело, но она носила его каждый день, как талисман и как обещание, что где-то есть человек, который не побрезговал прикоснуться к «пожирательнице боли».

Она провела по гладкой поверхности монеты, чувствуя, как по телу разливается слабая, но тёплая волна. Он обещал вернуться и она верила ему. Наверное, это было глупо — верить десять лет. Но сейчас, когда рядом нет никого, кто бы назвал её по имени без страха, монета казалась единственным доказательством того, что она не зря родилась.

— Кайан, — прошептала она в пустоту. — Если ты жив, почему не ищешь меня?

Ответа не было, только шум дождя, начинающегося за стенами храма.

Айрис поднялась, колени затекли и ноги онемели. Она стряхнула с плаща капли воды и, опустив голову, пошла вниз по ступеням, прочь от храма, который не принял её. В душе осталась горечь, но где-то глубоко внутри теплился слабый свет и воспоминание об улыбке Кайана. Она миновала последнюю ступень и вышла на площадь перед храмом, пустующую в этот час.

И тут же тяжелая рука обхватила её за плечо, рывком развернув назад. Айрис вскрикнула и увидела перед собой стражника в кожаном доспехе с гербом столицы на груди. Глаза у него были холодные и бесцветные, как у рыбы.

— Айрис, дочь целительницы? — рявкнул он.

— Отпустите! — она попыталась вырваться, но он сжал её плечо так, что кости хрустнули.

— Лорд Вальдис призывает всех целителей в городе. Ты идёшь с нами, ведьма.

— Я не ведьма! — закричала она. — Я ничего не сделала! Отпустите!

Он не слушал. Двое других стражников вышли из-за колонн, схватили её за руки, и она почувствовала, как её ноги отрываются от земли. Она билась, кричала, звала на помощь, но площадь была пуста. Никто не вышел из храма и никто не подошёл с улицы. Люди, стоявшие в отдалении, отворачивались и ускоряли шаг. Никто не хотел связываться с пожирательницей, которую тащит стража.

— Лорд Вальдис! — крикнул стражник, таща её к чёрной карете, стоящей у обочины. — Ты слышала? Твои шрамы ему пригодятся. Он слышал, что ты умеешь забирать боль. А у него есть тот, кому эта боль очень нужна.

Айрис ударила ногой, попав по голени стражника, но тот лишь зарычал и швырнул её внутрь кареты.

Падая, она вцепилась рукой в его запястье и, сама того не желая, почувствовала, как по её жилам разливается чужая ноющая боль в левом боку, словно у стражника болела печень. Он вскрикнул, вырвал руку, и лицо его исказилось уже не от злости, а от неожиданного облегчения.

— Что ты сделала, ведьма?! — прорычал он, но в голосе прорезался страх.

Айрис не ответила. Она сжималась в углу кареты, чувствуя, как боль стражника оседает в её теле, оставляя на ребрах неприятное тепло. Её дар снова сработал против воли, и она не знала, к чему это приведёт.

— Не трогай её больше, — бросил один из стражников снаружи. — Приказано доставить живой и невредимой. А то ещё всю хворь на нас перекинет.

Айрис прижала ладонь к губам, сдерживая рвотный позыв. Вкус меди во рту стал сильнее. Она закрыла глаза и сжала монету, шепча про себя молитву, которой научила её мать.

«Мать Всеединая, если я проклята, то пусть моё проклятие не коснётся невинных. А если нет — дай мне силы выдержать то, что ждёт впереди.»

Она ударилась головой о деревянную стену, когда её швырнули в повозку. В глазах темнело, и когда зрение прояснилось, дверь уже захлопнулась. Снаружи щёлкнул замок.

Карета тронулась.

Айрис сидела на грязном полу, прижимаясь спиной к холодному дереву. Кровь стекала по виску и пахла железом. Она зажмурилась, сжимая монету на груди. Сквозь стук колёс она различила приглушенные и далёкие звуки города. Карета повернула, и она поняла, что её везут не в тюрьму.

По ровной дороге, минуя выбоины трущоб, мимо чистых мощёных улиц. Наверх в сторону дворца.

— Нет, — прошептала она. — Только не туда.

Но карета не остановилась.

Она не знала, что ждёт её во дворце. Лорд Вальдис — имя, о котором шептались даже в трущобах. Говорили, он коллекционирует редкие дары, как другие собирают картины. И тех, кто попадает к нему в руки, больше не видят.

Но Айрис не собиралась сдаваться. Она выжила в Костяном переулке, где смерть поджидала за каждым углом. Она пережила предательство, голод и одиночество. И пока в её руке была монета Кайана, а в сердце память о матери, она знала, что у неё есть ради чего бороться.

«Я не ведьма, — мысленно повторила она, глядя на мелькающие за окном стены дворца. — Я та, кто забирает боль. И если этот лорд думает, что сможет использовать меня, он ошибается. Я не стану его рабыней».

Глава 3. Золочёная клетка

Карета остановилась. Айрис успела лишь вдохнуть пыльный воздух, смешанный с запахом собственной крови, прежде чем дверь распахнулась и грубая рука выдернула её наружу.

Она упала на колени. Мостовые здесь были не грязными, а ровными, выложенными булыжником и вычищенными до блеска. Воздух полнился сыростью и цветами. Откуда-то доносился аромат жасмина, да такой сладкий, что затошнило.

Она подняла голову и перед ней оказался дворец.

Айрис видела эту белую громаду только издалека, каждая стена была увенчана башнями. Вблизи дворец теперь оказался другим. Он чудился не жилым зданием, а ледяной глыбой, вытесанной богами из драгоценного белого мрамора, отполированного до зеркального блеска. Позолоченные решетки на воротах и высокие витражные окна добавляли этому дому ещё больше сказочности.

Солнце, пробившееся сквозь тучи, ударило в фасад, и Айрис зажмурилась от ослепительного блеска камня на свету. Роскошь давила на неё, как неподъёмный груз, напоминая, насколько она чужая здесь. Грязная, в рваном плаще и с кровью на виске.

— Пошевеливайся! — рявкнул стражник, грубо дёрнув её за локоть.

Айрис не сопротивлялась, сил у неё уже не было. Ноги девушки подгибались, пока её волокли по широкой лестнице мимо колонн с золотыми капителями и слуг в ливреях, что отводили глаза только завидев их шествие.

Внутри дворец оказался ещё холоднее. Высокие потолки давили своей мощью, а от мраморных полов веяло сквозняком. Бесконечные коридоры, увешанные гобеленами с охотничьими сценами, переплетались между собой. Собственные шаги Айрис, отдаваясь гулким эхом по стенам, казались ей чужими.

Стража толкнула её в маленькую комнату без окон, с узкой койкой и медным тазом для умывания. Дверь за ней огглушительно захлопнулась с лязгом засова.

Айрис осталась одна.

Она стояла посреди тёмной комнаты, дрожа от холода и страха. Стены здесь были голыми и некрашеными. Видимо, когда-то это было помещением для прислуги, но даже оно выглядело лучше её хижины. На полу лежал коврик, в углу стоял стул, а в тазу плескалась вода, пахнущая розой. Айрис смотрела на эту воду и чувствовала, как внутри поднимается дикая животная ярость. Её привели сюда, как скотину, швырнули в клетку, а теперь она ждала, когда её позовут на смерть.

Девушка подошла к двери и прижалась ухом к щели. Снаружи слышались глухие голоса.

— ...третья целительница за сегодня, — говорил кто-то хриплым голосом. — Предыдущие две не выдержали отравы, их трупы уже швырнули в подвал.

— А эту зачем приволокли? — спросил второй. — С виду нищая с помойки.

— Говорят, она умеет забирать боль. Они там думают, что девчонка сможет перетянуть отравление на себя. А если нет, то сдохнет, как те. Расходный материал.

После этих слов коридор наполнился издевательским смехом.

Айрис отшатнулась от двери, в шоке прижимая руку ко рту. К горлу подкатила тошнота и девушка упала на колени, судорожно втягивая воздух. «Расходный материал». Значит, она всего лишь инструмент, который можно сломать и выбросить. Её дар теперь не проклятие, а дешевый товар, за который она заплатит жизнью.

Она поднялась, чувствуя, как ноги дрожат. В углу стоял стул. Это было единственное, что можно использовать как оружие. Она спешно схватила его и широко размахнулась, ударив по двери со всей силы. Древесина глухо бахнула, но не поддалась ни на йоту. Айрис принялась

бить еще, снова и снова, пока руки не онемели. Дверь была слишком крепкой, засов снаружи даже не дрогнул.

— Пустите меня! — закричала она, срывая голос на хрип.

Эхо ее голоса пробежало по коридору и затихло. Никто ей так и не ответил.

Айрис бросила стул и опустилась на пол, сжимая руками голову. Внутри неё клокотала лютая ненависть. Девушка сжала монету на груди так сильно, что край впился в кожу. Айрис хотела сорвать её и швырнуть в угол этой лачуги, но рука не слушалась. Глупая и идиотская надежда, которая держала её десять лет!

И вот теперь она поняла, что надежда была лишь отсрочкой от реальности. Никто не возвращается к пожирательнице. Никто.

Она не знала, сколько прошло времени. Может быть, час. Может быть, больше. Вдруг дверь снова лязгнула. Айрис подняла голову и поняла, что в этой комнате, в противоположной стене, есть ещё одна дверь, которую она не заметила. Из неё вышла старая женщина с седыми волосами и в грязном платье, на котором проступали тёмные пятна. Она тяжело опиралась на стену и дышала с присвистом.

— Ты тоже, — сказала она, глядя на Айрис блеклыми глазами. — Ещё одна. Сколько их сегодня...

Айрис вскочила, готовая защищаться, но женщина лишь махнула рукой:

— Не бойся, я такая же, как ты. Меня зовут Мара, привели два часа назад. Я уже пыталась лечить его, лорда Вальдиса, но яд слишком силён. Я отдала всё, что могла, но он не уходит. Вместо этого он сжигает меня изнутри.

Она опустилась на пол, с трудом переводя дыхание. Айрис подошла ближе и увидела как на шее и руках Мары вздулись пульсирующие тёмные вены, что выглядели как живые змеи. Её собственная грудь сжалась от сочувствия, хотя она едва знала эту женщину.

— Они используют нас как мешки с болью, — хрипела Мара. — Яд остаётся в нас. Мы умираем вместо них и никому нет дела.

— Сколько вас было до меня? — тихо спросила Айрис, опускаясь на пол рядом с койкой.

Мара повела мутными глазами, задумавшись.

— Сегодня? Трое, может, или четверо. Двоих вынесли ещё до полудня. А одну, говорят, уже сожгли в печах, чтобы не разносила заразу.

Айрис судорожно сглотнула.

— А сколько раз тебя заставляли... забирать?

— У лорда Вальдиса? Второй раз, — Мара закашлялась и сплюнула в ладонь что-то тёмное. — В первый раз он был ещё не так плох. Я вытянула немного и он пришёл в себя, а потом яд снова разлился и меня позвали опять его вытягивать. Но теперь я чувствую как он пьёт меня изнутри, словно пиявка. Я уже не справляюсь с этим.

Айрис смотрела на её вздувшиеся вены и дрожащие руки.

— Ты всю жизнь так? — спросила она. — Забирала чужую боль?

— С детства, — прохрипела Мара, откидываясь на стену. — Мать говорила, что это проклятие нашей крови, и я ей верила, а теперь... теперь я уже не знаю. Может, это всё-таки дар, просто мы не умеем им пользоваться...

— Дар? — Айрис горько усмехнулась. — Дар, который убивает?

— Любой дар убивает, если его не кормить, — Мара прикрыла глаза. — Или если кормить слишком много. Мы отдаём, не спрашивая, а потом умираем. А если бы мы умели отдавать только то, что можем, и не брать лишнего... может, жили бы дольше.

Айрис нахмурилась. Она никогда не задумывалась о том, что её способность можно контролировать. Она просто забирала боль, пока хватало сил.

— Ты пыталась отказаться? — спросила она.

— Пыталась, — Мара слабо улыбнулась. — Но когда видишь, как ребёнок корчится в лихорадке, а мать на коленях умоляет... разве откажешься? Мы не можем пройти мимо, это сильнее нас.

Айрис знала эти чувства, они грызли её изнутри каждый раз, когда она говорила себе «хватит».

— Я тоже не могу, — призналась она, опустив голову. — Даже когда мне потом плюют в спину, я всё равно иду.

— Потому что иначе мы перестанем быть собой, — прошептала Мара. — Забирая чужую боль, мы остаёмся людьми. А отказываясь превращаемся в тех, кто её причиняет.

Она снова закашлялась, и на губах выступила пена. Айрис подалась вперёд, но Мара остановила её рукой.

— Не надо, — прошептала она. — Я уже отдала своё. Теперь твоя очередь. Если выживешь, девочка, не дай им сломать тебя. И не дай себе забыть, что ты не проклятие. Ты — лекарство, которое само болит. Айрис сжала её теплую дрожащую ладонь.

— Я запомню, — сказала она.

— Я не хочу умирать, — прошептала она. — Я не для этого родилась.

— Никто из нас не рождается для этого, девочка, — усмехнулась Мара. — Но у нас нет выбора. Во дворце сильные, а мы слабые. Нас можно сломать, и никто не заступится. Только если... — она кашлянула, — если кто-то из сильных вдруг решит, что мы ему нужны живыми.

Она замолчала и в комнате повисла тишина. Айрис смотрела на свои грязные ладони с обломанными ногтями и с повязкой, сквозь которую просачивалась сукровица. Её дар был её проклятием, но он же мог стать и её спасением, если она сумеет использовать его не как рабыня, а как хозяйка своей судьбы.

— Я не отдам свою жизнь просто так, — сказала она тихо. — Если я должна умереть, я выберу, как и за что.

Мара посмотрела на неё с удивлением, почти с надеждой.

— Ты другая, — прошептала она. — В тебе есть огонь, держись за него.

В этот момент засов на двери лязгнул и дверь отворилась, явив на пороге человека. Айрис вскочила, готовясь к новой схватке, но в свете из коридора она выхватила слишком знакомую сгорбленную фигуру с седой бородой и тусклый камень на посохе.

— Орлан? — ошеломленно выдохнула она.

Старый маг закрыл за собой дверь и шагнул в комнату, прежде чем начать говорить.

— Айрис, — быстро проговорил он низким голосом. — Ты должна помочь ему, иначе умрёшь и ты, и он. Я знаю, кто ты для него.

Она застыла. Слова повисли в воздухе, как лезвия.

— Что ты сказал? — переспросила она, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Кто «он»?

Орлан оглянулся на дверь, будто проверяя, не подслушивают ли, и приблизился к ней вплотную.

— Лорд Вальдис, — сказал он. — Ты думаешь, это просто какой-то вельможа? Его полное имя — Кайан Вальдис. Это он, Айрис, тот самый человек из башни. Он не забывал о тебе. Он не вернулся, потому что тогда его предали так же, как в тот раз. Его отравили собственные приближённые, и теперь он умирает. Он знал, что его отравят и добровольно принял это. Он знал, что это поможет ослабить стражу. И если ты не вытянешь яд, он умрёт. Но если ты вытянешь его, яд может убить тебя. Таков закон твоего дара.

Айрис отступила. В голове шумело, в ушах звенело. Кайан. Лорд Вальдис. Нет, этого не может быть.

— Он не забыл о тебе, — продолжал Орлан. — После возвращения в столицу его запер отец. А когда отец умер, Кайан надеялся, что наконец сможет тебя найти. Но власть уже оказалась в руках людей, которым было выгодно держать его подальше от тебя.

Она не могла совместить в сознании два образа: тот юноша из башни, с синими глазами и тёплой улыбкой, и могущественный лорд, который, по слухам, коллекционирует дары и не гнушается использовать людей как расходный материал. Это не мог быть один и тот же человек.

— Ты лжёшь, — выдохнула она, отступая к стене. — Он бы не стал... он не мог стать лордом и не найти меня.

— Он не мог прийти, — тихо произнёс Орлан, не двигаясь с места. — Его держали.

— Кто держал? — голос Айрис сорвался. — Он был свободен! Он ушёл сам, оставил меня, обещал вернуться и не вернулся. Десять лет, Орлан! Десять лет я ждала хоть какой-то вести.

— Его отец, — начал старик. — Старый лорд Вальдис. Когда Кайан вернулся в столицу после покушения, отец узнал, что его спасла какая-то целительница из трущоб. Он запретил ему даже думать о тебе. Кайана заперли в восточной башне, лишив свободы на целых два года.

— Два года? — Айрис горько усмехнулась. — А потом?! Что мешало ему потом, когда отец умер? Когда он стал лордом? Почему он не послал за мной, не пришёл и не оставил знака?

Орлан вздохнул и его плечи поникли.

— После смерти отца он пытался, Айрис. Клянусь, он пытался, но его окружали враги. Многие боялись, что он найдёт тебя и сделает своей женой целительницу из низов. Это подорвало бы их власть, поэтому они опутали его интригами и изолировали от внешнего мира. Он не мог даже выйти из дворца без сопровождения.

— И поэтому он решил отравиться? — Айрис недоверчиво прищурилась. — Ты сам сказал, что он выпил яд, чтобы ослабить стражу и сбежать. Но зачем так сложно? Неужели не было другого способа?

— У него не было союзников, — Орлан развёл руками. — Только я, его старый учитель. Но и я был бессилен против тех, кто держал его в золотой клетке. Кайан был в отчаянии. Он решил, что если притворится умирающим, то стражу ослабят, и он сможет бежать. Он выпил тот яд, но не ожидал, что его будет слишком много. Но сейчас Кайан действительно умирает и никто из его врагов не хочет его спасать. Им выгодна его смерть и они уже потирают руки в предвкушении.

Пока Айрис слушала, в её груди боролись ярость и сомнение. Вся эта история звучала слишком гладко и удобно для Кайана. Словно Орлан выучил легенду, чтобы манипулировать ею.

— С чего мне тебе верить? — Айрис впилась в него взглядом. — Явился невесть откуда, сунул хлеб, а теперь травишь сказки про заточённого принца и его благородные муки. Может, всё это враньё, лишь бы я согласилась подохнуть ради того, кто меня давно забыл?

Орлан не отвёл взгляда.

— Я не прошу тебя верить мне, Айрис, я прошу лишь пойти и посмотреть на него. Ты увидишь его лицо, и если он тебе не знаком, ты уйдёшь. Но если узнаешь... решай сама. Только помни, что он умирает, у тебя мало времени.

Айрис замерла. Она хотела ненавидеть Кайана, хотела бросить его и уйти, но ноги не слушались. Слишком много лет она жила его обещанием, а теперь, когда правда была так близко, она не могла от неё отказаться.

— Я хочу увидеть его сама, — прошептала Айрис. — Только тогда я пойму, кто из вас лжёт.

Орлан кивнул на её слова.

— Идём, — сказал он, распахивая дверь.

Айрис закрыла глаза и темноте перед ней встала картина десятилетней давности. Она представила башню, теплый камин и улыбку Кайана. Его ласковый голос обещал ей: «Я запомню тебя». Она хотела бы забыть эти слова и тембр, вырвать их из сердца, но они всё еще были глубоко там, как корень мощного дерева, который не вытащить и вовек.

Айрис открыла глаза и посмотрела на Орлана.

— Покажи мне его, — решительно выпалила девушка. — Но не думай, что я простила или что я делаю это ради него. Я сделаю это ради себя, потому что я не хочу умирать, не узнав правды.

Орлан кивнул с облегчением.

— Времени мало, он умирает. Только ты можешь вытянуть яд из его крови, но помни, что это может стоить тебе жизни. Я не знаю, хватит ли тебе сил пережить это.

Она не простила его, но продолжала идти.

Глава 4. Чёрный нектар

Коридоры дворца тянулись как бесконечный лабиринт. Каждый поворот открывал новые залы с хрустальными люстрами, с расписными потолками и портретами людей, надменно смотревших на Айрис с высоты веков. В кости проникал холод мрамора, по которому она ступала босыми ногами. Но она чувствовала только тяжесть в груди и гулкий стук сердца, отдающийся в висках.

Орлан шёл впереди процессии, тихо постукивая посохом по полу. Он не оборачивался и не говорил ни слова, а Айрис смотрела на его сгорбленные плечи и размышляла о том, что возможно он знал больше, чем говорил, но сейчас это пока что не имело значения.

Они остановились перед высокой дверью из тёмного дерева, инкрустированной золотом. Орлан толкнул её, и Айрис шагнула внутрь.

Покои лорда Вальдиса были огромны и давили своей мрачной роскошью. Окна были занавешаны темными бархатными портьерами, всё вокруг было уставлено свечами в серебристых подсвечниках. Их огонь отбрасывал длинные тени на стены, увешанные оружием и гербами. Вся эта обстановка только сильнее напоминала Айрис об огромной пропасти между ней и этими людьми. В углу горел камин, но огонь казался слабым и чахлым. Пахло болезнью и кислым, сладковатым запахом разложения, который перебивался густыми духами, но не мог скрыться полностью.

В центре комнаты стояла огромная кровать с балдахином, а на ней среди подушек и одеял лежал Он.

Айрис не дышала, она смотрела на лицо, которое помнила до мельчайших черт, но теперь оно казалось неузнаваемо. Тёмные вены пульсировали под бледной кожей, как паутина, оплетая виски, щёки и шею. Губы безжизненно посерели, веки были сомкнуты и только слабое движение грудной клетки говорило о том, что человек ещё жив. Влажные от пота волосы, бывшие когда-то чёрными, как само вороново крыло, теперь потускнели и заполнились проседью.

Кайан, тот самый юноша, который улыбался ей в башне и который обещал вернуться. Теперь он лежал перед ней, раздавленный ядом, и походил больше на красивую, но мёртвую восковую фигуру.

Айрис сделала шаг и вдруг поняла, что комната полна людей. Придворные в расшитых камзолах вместе с дамами в тяжёлых платьях, с веерами и холодными лицами, стояли вдоль стен. Их глаза скользнули по грязной босой Айрис в рваном плаще, и в каждом взгляде было одно и то же — брезгливость. За её спиной тихо перешёптывались, и она слышала обрывки фраз:

— Эта нищенка?

— Говорили, она жрёт чужую боль.

— Из трущоб притащили, как собаку...

Но в центре этого молчаливого суда стояла женщина.

Она была высокой и стройной, в платье цвета запёкшейся крови и с золотыми нитями, вплетёнными в светлые волосы. Её лицо было безупречным и точеным, как у статуи, с острыми скулами и ярко-алыми губами. Зелёные глаза, холодные как лёд, смотрели на Айрис с неприкрытой ненавистью. В них не было страха или тревоги за умирающего, только собственничество и презрение.

— Так вот она, — произнесла женщина звенящим голосом. — Та самая пожирательница боли, о которой мне доложили. Я ожидала увидеть хотя бы ведьму, а не грязную крысу с помойки.

Айрис встретила её взгляд. Внутри всё сжалось в тугой комок, но она заставила себя не отводить глаза.

— Я Айрис, — сказала она ровно. — Дочь целительницы. Я пришла лечить, а не танцевать перед вами.

Женщина усмехнулась. В этой усмешке было столько яда, что он мог бы соперничать с тем, что убивал Кайана.

— Лечить? — переспросила она. — Ты? Посмотри на себя. Ты не достойна даже прикоснуться к его одеялу. Но поскольку мои люди говорят, что у тебя есть... дар, — она произнесла это слово так, будто плевалась, — я позволю тебе попытаться. Но запомни, — она шагнула вперёд, и Айрис почувствовала запах её тяжелых приторных духов, — если он умрёт, ты ответишь головой. Я лично прослежу, чтобы твоя смерть была долгой и мучительной.

Айрис смотрела на неё и чувствовала, как внутри расплывается холодное спокойствие. Она знала, кто перед ней. Сиенна, желчная невеста Вальдиса, слухи о чьих кознях прокатились аж до Костяного переулка. Вот каких теперь предпочитает Кайан.

— Если я не вылечу его, — сказала Айрис тихо, но отчётливо, — меня убьют. Но если я вылечу его, я останусь жива. Значит, у меня есть стимул. Так что не тратьте угрозы впустую, леди. Они мне не нужны, я уже поняла, что поставить.

В комнате повисла тишина. Придворные переглянулись, кто-то ахнул. Сиенна побледнела от гнева, но сдержалась и лишь сверкнула глазами и отошла в сторону, давая дорогу.

Орлан коснулся плеча Айрис:

— Иди, — прошептал он. — Времени мало, яд уже подбирается к сердцу.

Айрис подошла к кровати. Каждый шаг давался с трудом. Колени дрожали, но она не останавливалась. Она приблизилась к Кайану, посмотрела на его лицо и сердце её сжалось так, что перехватило дыхание. Тот же изгиб бровей, та же линия челюсти, но исхудавшие измождённое лицо. Десять лет не прошли для него даром. Она видела шрамы на его руках и белые линии на запястьях, словно он срывал цепи. На шее, у ворота рубашки, виднелся тёмный след старого глубокого ожога.

«Я должна его ненавидеть», — пронеслось в голове. — «Он оставил меня. Он женится на другой. Он живёт в роскоши, пока я умирала от голода. Я должна ненавидеть его».

Но он умирал. Он беспомощно лежал здесь и её проклятый дар был единственным, что могло его спасти. В этой горькой иронии было что-то невыносимое.

Она протянула руку, чтобы коснуться его лба и вдруг почувствовала запах яда. Магический запах исходил от его кожи как нить паутины. Айрис закрыла глаза, позволив дару выйти наружу. Она ощутила его, как музыку текущую по венам Кайана или как нектар смерти. Яд был редким и древним, она никогда не сталкивалась с таким. Он впивался в ткани, разъедал кровь и поднимался к сердцу медленно, но неумолимо.

— Он отравлен магией, — сказала она вслух, не открывая глаз. — Это не обычный яд. Он привязан к его крови и растёт, как живое существо. Если я попытаюсь вытянуть его сразу, я умру вместе с ним. Нужно ослабить его сначала.

— Как? — спросил Орлан за её спиной.

— Не знаю, — честно ответила она. — Но я попробую.

Она взяла его за бледную руку с тёмными венами, пульсирующими под тонкой кожей. Её пальцы сомкнулись вокруг его ладони и она начала погружаться в поток яда, чувствуя, как он отзывается на её прикосновение.

И вдруг его пальцы сжались. Кайан не открыл глаз, но его рука пошевелилась, и он сжал её пальцы с такой силой, что Айрис вздрогнула. Его губы шевельнулись и из них вырвался хриплый почти неслышный шёпот, но она разобрала каждое слово:

— Я искал тебя...

Айрис вздрогнула и замерла. Она смотрела на его лицо, глаза были закрыты, он явно не приходил в сознание. Это был рефлекс, последний отголосок сознания и бред умирающего. Но он сказал это, он правда искал её.

Айрис не знала, сколько она так стояла, сжимая его руку и чувствуя, как тепло его ладони проникает в её холодные пальцы. Она хотела заплакать, но слёзы не шли, был только ком в горле, который душил её. Вокруг них шумели придворные, кто-то перешептывался, но она не слышала их.

Она усилила хватку, чтобы Кайан почувствовал её. Ответила на его шёпот тихим, беззвучным движением губ: «Я здесь».

Айрис не знала, услышит ли он. Но теперь знала одно: она не даст ему умереть. Ради себя и ради того, чтобы он открыл глаза, посмотрел на неё и ответил за все десять лет. Ради правды, которую она должна была узнать.

Айрис отпустила его руку и выпрямилась. Повернулась к придворным, Сиенне и Орлану. Голос её был спокойным, хотя внутри бушевала буря.

— Я останусь с ним, — сказала она. — Я буду лечить его, но мне нужно время и пространство. Уйдите все. Если кто-то останется, я не смогу сосредоточиться. Я не обещаю, что он выживет, — она посмотрела прямо на Сиенну, — но я обещаю, что сделаю всё возможное. И я выживу, потому что я не позволю ему умереть, не услышав от него правды.

В комнате повисла тишина. Придворные переглянулись, но никто не двинулся с места, пока Сиенна не махнула рукой, коротко и резко.

— Уходите, — приказала она, еле сдерживая злобу. — Но ты, — она ткнула пальцем в Айрис, — останешься здесь. Если он умрёт, я отрежу тебе руки прежде, чем ты успеешь произнести молитву. Запомни это.

Айрис кивнула, не отводя взгляда. Она видела страх в глазах Сиенны. Она точно боялась, что Кайан очнётся и скажет то, чего Сиенна не хотела слышать. И этот страх дал Айрис силу.

Когда дверь за последним придворным закрылась, она опустилась на колени у кровати, взяла руку Кайана в свои и прижалась лбом к его пальцам.

— Я здесь, — прошептала она. — Я здесь. И я не уйду, пока не вытащу тебя. Но когда ты очнёшься, ты ответишь мне за всё.

Черный жадный яд пульсировал в его крови. Айрис закрыла глаза и шагнула в него, как в ледяную воду, чувствуя, как он начинает затягивать её. Она решила выжить и она сделает это любой ценой.

Глава 5. Цена исцеления

Тишина в покоях была плотной, как вода на глубине озера. Айрис стояла на коленях у кровати, сжимая руку Кайана, и чувствовала, как под её пальцами пульсирует голодный яд, что ждал её. Он узнал её дар и потянулся к нему, как хищник к добыче.

«Я не позволю», — сказала она себе и шагнула в бездну тёмной силы.

Она закрыла глаза и расслабила защитные барьеры, которые выстраивала годами. Все эти годы они не давали чужой боли сжигать Айрис заживо, а сейчас впервые в жизни она открылась полностью и позволила своему дару выйти наружу без ограничений. Яд ринулся в неё, как поток лавы.

Первое ощущение было как обжигающий удар. Он вонзился в грудь, в самое сердце, и она задохнулась. Её тело выгнулось дугой, но она не отпустила руку Кайана. Нельзя было прерывать контакт, иначе яд, не допив до конца, разорвёт их обоих. Она стиснула зубы до скрежета и впустила в себя его боль.

Чёрный поток тек по её венам, и она чувствовала каждую его острую, как битое стекло, частицу. Он разъедал её изнутри, добирался до костей, до мозга и до самой души. Она видела его абсолютно черный цвет. Он был дырой, в которую проваливалось всё. Айрис чувствовала запах гнилой розы, смешанной с железом и чем-то приторным, вроде мёда.

Во тьме яда она вдруг увидела фигуру не измученного лорда, а того юноши из башни, что когда-то смотрел на неё синими глазами и улыбался. Прошлый Кайан говорил ей что-то, но слов не было слышно. Айрис напряглась, пытаясь разобрать речь, и вдруг поняла, что он повторял одно и то же снова и снова.

— Ты справишься. Ты сильнее, чем думаешь.

И она поверила ему. Сквозь боль и сквозь яд, разъедающий её изнутри, она ухватилась за этот призрачный голос, как за верёвку над пропастью.

— Ради тебя, — прошептала она в ответ, даже не зная, слышит ли он. — И ради нас.

«Дыши», — приказала она себе. — «Дыши или умрёшь».

С каждым вдохом яд глубже проникал в неё, оставляя на коже огненные следы. На руках, где она держала Кайана, проступили первые серебристые и тонкие как паутина линии. Они расходились от запястий к локтям, впитываясь в кожу. Айрис пока не видела их, но чувствовала жжение, которое уже перерастало в боль.

— Терпи, — прошептал голос Орлана где-то далеко, сквозь шум в ушах. — Ты справишься.

Она не знала, прошли минуты или часы. Яд тек и тек, и она поглощала его, как губка, но он не убывал. Казалось, что его бесконечное количество, и он душит её, заливает лёгкие и вытесняет воздух. В какой-то момент она почувствовала, что шея начинает гореть. Там, где яд нашёл выход, проступали новые серебристые шрамы, которые вились вокруг горла, как ожерелье из расплавленного металла. Айрис хотела крикнуть, но голос не слушался. Она исторгла только хриплый выдох, полный боли.

Но она видела, как дыхание Кайана выравнивается, она чувствовала его пульс. Сначала он был рваный и сбивчивый, затем постепенно начал успокаиваться. Тёмные вены на его лице начали светлеть, а бледность отступала, уступая место слабому румянцу. Яд уходил из него, перетекая в Айрис. Она была сосудом, который мог вместить в себя смерть. А Кайан — живым, которым и должен был остаться.

Айрис почувствовала, как яд достигает её сердца. Он толкнулся в него и ей показалось, что она умирает. Грудь сдавило, воздух исчез, и только пульс бился где-то в висках, отсчитывая последние мгновения. Но она не отпустила руку Кайана, она сжала её сильнее и прошептала одними губами:

— Не смей умирать... Я не позволю...

И в этот момент яд сломался. Он потерял свою силу и разбился на тысячи мелких частиц, которые разлетелись по её телу, оседая на коже серебристыми шрамами. Она чувствовала их на руках и на шее, везде по своему телу. Она знала, что теперь навсегда отмечена этим ядом, что он останется с ней до конца её дней. Но Кайан был спасён.

Её руки разжались. Айрис откинулась назад, теряя сознание, и ударилась спиной о каменный пол. Тело не слушалось. Оно вдруг стало чужим и тяжёлым, будто налитым свинцом. Она лежала навзничь, глядя в потолок, расписанный золотыми ангелами, и не могла пошевелиться.

— Айрис! — услышала она голос Орлана, но он звучал как сквозь вату.

И вдруг крик Сиенны:

— Остановите её! Она его убивает! Вы все видите? Она отравляет его, она же пожирательница! Уберите её от него!

Айрис слышала топот ног и лязг доспехов. Стражники двинулись к ней, но Орлан встал перед ними, подняв посох. Голос его зазвенел в пространстве, как сталь:

— Назад! Она спасла его! Если вы прикоснётесь к ней, яд вырвется и вы все умрёте!

Стражники заколебались, а Сиенна зашипела:

— Ты лжёшь, старик! Она всего лишь нищенка, и она убивает его!

— Я не лгу! — рявкнул Орлан. — Посмотрите на него! Он дышит! Его вены светлеют! Она вытянула яд, и если вы сейчас её тронете, яд выплеснется обратно, и лорд Вальдис умрёт!

Все стихли и стало слышно только тяжёлое дыхание Айрис и слабый треск догорающих свечей. А потом шёпот придворных и чьи-то шаги. Сиенна, кажется, отступила.

Айрис закрыла глаза, она не могла бороться. Всё, что она могла — это лежать и слушать, как бьётся её собственное слабое, но ещё живое сердце. И как ровно бьётся сердце Кайана над ней, с каждой секундой набирая силу.

Где-то далеко она услышала шорох простыней и сдавленный вздох. Айрис с трудом приоткрыла глаза и увидела, что Кайан садится на кровати. Его лицо было бледным, но глаза уже были открыты. Он растеряно моргал, пытаясь привыкнуть к свету, а потом потерянно провёл рукой по лицу и груди, будто проверяя, жив ли на самом деле.

Айрис не могла двинуться, продолжая смотреть на него, как завороженная.

Кайан медленно повернул голову и его взгляд упал на неё. Губы его дрогнули и он едва слышно произнес:

— Айрис...

Это имя, произнесённое им впервые за десять лет, ударило её сильнее, чем весь яд. Она всхлипнула, не в силах сдержать рвущийся из груди звук. Он правда помнил её.

— Ты... пришла, — выдохнул Кайан и его рука, лежавшая на простыне, дёрнулась в её сторону в попытках дотянуться.

Айрис хотела ответить ему, но горло перехватило и ей оставалось лишь кивнуть в ответ. Она чувствовала, как слёзы текут по лицу, смывая кровь и грязь. Кайан слабо улыбнулся ей. Он открыл рот, чтобы сказать ещё что-то, но веки его вмиг отяжелели и он соскользнул в сон, так и не закончив фразы. Пальцы почти коснулись её щеки, но не достали и его рука безвольно свесилась с кровати.

— Нет... — выдохнула она почти беззвучно. — Не уходи... Не снова...

Н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.